

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ПУТЬ С ПЕРИФЕРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ К СОБСТВЕННОЙ ВЕРСИИ ИСТОРИИ

Статья содержит анализ условий, которые позволили источникам личного происхождения переместиться с периферии исторического знания в его сердцевину, а также препятствий, возникающих при попытках создать на их основе новую версию прошлого.

Ключевые слова: источники личного происхождения, прошлое как ресурс, антропологически ориентированная история, концепции архивирования, приемы историописания

В процессе осмысления источниковой базы современных исторических исследований наметилась тенденция переоценки статуса и значимости источников личного происхождения. Историографические открытия последних лет во многом основывались на этих — иначе называемых «частными» или «субъективными» — источниках. Предпочтение, отдаваемое им в исследованиях, вносит изменения в режим контакта общества со свидетельствами своего прошлого, прежде всего, историка с источником. Информационные ресурсы исторической науки значительно пополнились, трансформируется их структура, а вместе с ней представление о ценности источников официального и личного происхождения [3].

В пользу личного свидетельства изменяется идеология институтов памяти. Эго-источники по сравнению с архивными документами подлежали другому режиму хранения [4, с. 9–10]. Государственные архивохранилища не содержат личные фонды «простых людей». Обладатели таких источников также считали их ненужным «хламом» истории, мало имеющим отношение к науке. Подобное, по большей части добровольное, забвение текстов личного происхождения людьми поставило огромный пласт ценнейшей информации за рамки истории. Пересмотр «политики памяти» бросает вызов традиционной концепции архивирования, помогает личным «бумагам» выйти из «тени», перестать подчиняться логике забвения. Люди начинают более осознанно относиться к «свидетельствам о себе».

Обращение к сохранившимся индивидуальным свидетельствам стимулировала девальвация доверия к схематизму «большой» истории. Историки вдруг заметили, что человек оказался «примесью» дистиллированной версии прошлого и как ненужное был извлечен из нее. Им пришлось признать, что построение более сложных представлений о былом вместо молчания людей, даже «красноречивого», требует их внятной речи. Антропологически ориен-

*Светлана Викторовна Голикова

Д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; avokilog@mail.ru

тированная история в условиях распада глобальных объяснительных схем, гибели «больших нарративов» учит вслушиваться в голоса людей из прошлого. Антропологический поворот, выразившейся в истории осознанием того, что эта научная дисциплина, прежде всего, является историей людей, привел к поиску новых источников знаний о прошлом, включению их в источниковую базу, к ее расширению и усложнению. Эго-источники виделись в качестве «естественного» средства по заполнению лакун официоза. С ними увеличивается степень полноценной репрезентации исторического опыта. Вместе с другими свидетельствами минувшего они обеспечивают возможность множественных способов воспоминания и понимания прошедшего времени. Их потенциал позволяет выявить как многообразие культур и жизненных укладов, так и многогранность ценностных ориентаций и мотиваций людей разного пола, возраста, статуса, не воспринимать событие, явление в качестве монолита.

Подключение к историческому опыту отдельных лиц дает возможность осуществить «присвоение» прошлого в иных условиях — «совладание» с ним с учетом разнообразных личных свидетельств. Потеря официозом привилегии на интерпретацию прошлого и привлечение эго-источников привело к тому, что история больше не пишется как отстраненная, она не должна оставлять нас равнодушными, а напротив, ошеломлять, вызывать эффект потрясения, смятение чувств. Историоризация частной и личной жизни повышает у сообщества историков и у читающей публики чувствительность к восприятию прошлого, способствует постановке вопроса о цене, заплаченной за развитие по прогрессивному пути [1]. Железная поступь прогресса умеет обходиться без сантиментов. У нее и «маленького человека» разные, иногда диаметрально противоположные, «правды»: они представляют собой двуликий Янус оптимистической трагедии истории. При работе с материалами о человеческой индивидуальности чувства оказываются востребованы также благодаря широко применяемому приему «вчувствования» (эмпатии).

Человеческое измерение истории ставит на службу исследователю авторитет очевидца и участника события, позволяет найти «слабые звенья» в официальной версии прошлого, выявить ее дисбаланс. Внимание к обычной человеческой жизни (частной и повседневной), не связанной с какими-либо великими событиями, но составляющей, тем не менее, основу существования человечества, стало способом, с помощью которого пытаются преодолеть принципиальную ограниченность и тенденциозность в отображении прошлого. Таким образом, дискуссии о приемлемых формах историописания неизбежно упираются в споры о природе и значении источников [2, с. 581]. Теоретизирование по этому поводу связано с увеличением количества и разнообразия как самих источников, так и контекстов их использования.

Выстраивание истории «снизу вверх» свидетельствует не только о пополнении информационных ресурсов исторической науки, но и о глобальной трансформации их видового разнообразия и соотношения, обеспечивающей более сложные формы рецепции исторического знания. Долгое время источники личного происхождения в исследованиях и в источниковедческой клас-

сификации, основанной на упрощенном понимании документальности, занимали маргинальные, периферийные позиции. Нередко они воспринимались в качестве курьезов и анекдотов, «наивного письма». Низкое место в источниковедческой иерархии не позволяло им быть объектом внимания публикаторов. Самое большее, на что могли претендовать содержащиеся в них эмоциональные записи, — проиллюстрировать события, которые авторы исторических сочинений относили к особо негативным или, напротив, позитивным. Их было принято использовать в качестве дополнительного источника, подтверждающего (или оттеняющего) информацию, добытую и извлеченную различными средствами исторической аналитики из других типов источников (которая и признавалась подлинно важной). При вспомогательной роли вопрос о достоверности и репрезентативности содержащейся в них информации стоял не особо остро. Затем они получили комментирующее значение, поскольку неоднократно и по разным поводам было выяснено, что эго-источники содержат сведения, которые не отражены в источниках других типов, например, официальных документах. Таким образом, ученые все чаще стали привлекать их для своих изысканий, они наконец-то оказались востребованными наукой и обществом.

На данном этапе формирование корпуса источников личного происхождения, образовавшихся в процессе жизни и деятельности отдельного лица, рода или семьи, становится приоритетным направлением пополнения источниковой базы исторических исследований. Публикаторский бум им пока не грозит, но интерес к этой категории текстов растет с каждым годом. Их использование превратилось в респектабельное занятие, поскольку они перестали восприниматься в качестве «аутсайдеров». Новые трактовки документальности привели к понижению статуса официальных документов. Став далеко не единственными и не главными, а «одними из», они утратили монополию на трансляцию знания. Сегодня историк имеет возможность (и должен) произвести сравнение их данных с другими типами источников. Пересмотр иерархии и степени объективности источников ставит под вопрос концептуальные основы их происхождения, они также подлежат переосмыслению, поскольку категории, лежащие в основе создания и упорядочения исторических источников, формировались под действием представлений о том, как должно исследовать прошлое.

В связи с такой, непривычной для традиционной историографии постановкой вопроса возникает ряд проблем. В источнике личного происхождения с точки зрения способов создания знания о прошлом нужно «раскрыть» производство первичных смыслов, обеспечить трансляцию, интерпретацию его данных и проанализировать их на подлинность, достоверность, репрезентативность. Однако историки предпочитают ограничиваться хорошо известной декларацией: в эго-источниках сквозь призму личного восприятия отражена эпоха. Механизм этого явления (далеко неоднозначный и разнообразный), относится к исследовательской «кухне», которую, как ни странно, многие авторы стараются оставить за рамками своих текстов.

Сегодняшний интерес к эго-источникам продиктован не столько их способностью доносить до нас прошлое, в которой, в общем-то, уже не сомневаются, сколько желанием понять пределы заложенного в них информационного потенциала и разработать соответствующие приемы исторического письма. Установка на субъективность пока мало стыкуется с претензиями на научность. Вопрос о прошлом как ресурсе выглядит здесь по-другому: оно воспринимается как личный ресурс (особенно в мемуаристике), но и как ресурс отдельной личности, который берет на вооружение историческое знание, пытаясь из общего собрания частных историй выстроить непротиворечивую версию. Кроме того, в источниках личного происхождения обязательные этапы внутренней критики — установление верификации, репрезентации, полноты содержащихся в них сведений — работают не в полную меру или не приемлемы вовсе. Тогда что будет входить в состав критики этих источников, прежде всего внутренней? Что сделает версию основанной на них истории легитимной? Особую актуальность получают давнишние «проклятые» вопросы: как увидеть общее за частным и при этом сохранить конкретику индивидуального опыта. Допустимо ли строить обобщение на единичных свидетельствах, ведь поступок одного человека нельзя предпочесть поведению других людей и отказать ему в репрезентативности по сравнению с другими акторами истории. Как верифицировать воспоминания, записанные спустя много лет после событий, тем более дошедшие до нас «через вторые руки». Вопрос сводится не к тому, доверять ли личному, частному опыту, а к тому, как грамотно использовать эти свидетельства («грамотность» пока чаще всего определяется методом «от противного», т. е. историк «чувствует» какой-то подвох, смутно определяя его природу).

Историография наших дней продолжает дебатировать методы изучения восприятия личностью окружающего мира, исторических событий и явлений. Обсуждение подобных сюжетов связано с проблематикой исторического опыта, в частности, с уяснением культурных механизмов, отвечающих за переживание подлинности соприкосновения с прошлым. Версия истории по источникам личного происхождения это пока еще во многом «незнаемая» история, история «в себе», история, заключенная внутри источника, ее еще надо «вынуть» оттуда и нарративизировать, возможно, внося изменения в традиционные приемы изложения.

Библиографический список

1. *Добренко Е.* Вслушиваясь в письмо, читая голос. (Обзор исследований по истории сталинизма) // Новое литературное обозрение. 2012. № 117.
2. *Мазур Л. Н.* Методы исторического исследования: учеб. пособие. Екатеринбург, 2010.
3. Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство / ред И. М. Каспэ. М., 2013.
4. Устные материалы в архивах: проблемы отбора, хранения и доступа // Антропологический форум. 2012. № 17.

S. V. Golikova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

Sources of a personal origin: way from the periphery of historical knowledge to the own version of history

The paper contains the analysis of conditions which allowed the sources of a personal origin to move from the periphery of historical knowledge to its core. The author also considers the obstacles to attempts to create the new version of the past on the basis of sources of a personal origin.

Key words: sources of a personal origin, the past as a resource, anthropologically oriented history, archiving concepts, techniques of historical writing